

ДРАМА РАСКОЛЬНИКОВА

БЕЛИНСКИЙ был прав, назвав первый роман Достоевского трагедией. С обычной зорностью великий критик сразу определил основную черту начинающего писателя и указал на характерную особенность его будущего творчества. Автору «Бедных людей» предстояло развить новый жанр, навсегда связанный с его именем, — роман-трагедию. Он с честью выполнил это задание. Вышним образом его творчество выдвинулось и осталось «Преступление и наказание» — одна из самых трагических книг мировой литературы.

Мы принимаем этот бессмертный отчет об одном преступлении, как называл сам Достоевский свой роман. Великая книга выдержала испытание временем.

Советский театр обратился к драме Раскольникова. Это задание огромной трудности. Необходимо принять высокие традиции русского театра с его незыблемыми образами: Мармеладова в исполнении Андрея-Вурлака, Раскольникова — Орленова, Соня — Ковсарджановой, Порфирия — Кондрата Яковлева. Это ли не обременение?

Постановщик «Преступления и наказания» П. П. Вислюк умело овладел новой пьесой. Его беспорочный заслуживает бережное отношение к тексту Достоевского, поспешному чисто, верно и доходчиво. Это действительно звучное классическое произведение всей их строгости и силы. Режиссерское решение пьесы о Раскольнике можно расшифровать как драму политического заговорщика, искусного обидчика бессмысленного убийства тяжелыми страданиями — внутренним одиночеством, бесплодной борьбой с властью и, наконец, публичным покаянием. Концепция Достоевского сложна и глубока, и такая спенсическая трактовка вскрывает основную тему романа. Исполнитель центрального образа В. Якут дает убедительное изображение Раскольникова. Актер удивительно переживает и пленя-

ющего сердца, сразу привлекающее сочувствие зрителей.

По условиям сценической композиции мотив властолюбия несколько заслоняет здесь тему гуманизма. Но артисту удается в беседах с Соней отчетливо выразить альтруистический протест своего героя против несправедливости.

Трагический стиль романа доведен до зрителя и артист Г. Чернышова — остается нераскрытым. Это не требует, конечно, показа, но следы этого должны ощущаться. Достоевский рисовал разрыват трудя. Замечательные разрыват трудя. Замечательные разрыват трудя. Замечательные разрыват трудя.

«Преступление и наказание» на сцене театра имени М. Н. Ермоловой

ющего лиризма дал главную: излюбленный Достоевским тип молодежи, поэта, творца, бестрашного в своих философских исканиях и пренебрегающего во имя торжества своей идеи всеми опасностями ее воплощения. Мужественная стойкость убеждения, непоколебимая вера в жизнь и ее смысл, воинствующий сарказм, брошенный в лицо врагам, открытое провозглашение своей правды — все это раскрывает в новом Раскольнике «сидящего борца», какий сразу раздал его умный следователь. В отрывке не менее ядовитого, расчленяющего фехтования мыслью и словом. Некоторые комические строчки в общем рисунке роли никак не изжились. Образ вытравлен от спешной сдержанности жесты и позы. Сцена смерти грубо играет.

Но след Мармеладова неправилан. По Достоевскому он не в своем костюме, а в болтающемся фраке с нужным печем, выходящим ему за пределы висюльки. Это важный бытовой штрих в характеристике «бывшего человека».

Остро и живо воссоздал фигуру Порфирия Петровича артист В. П. Дикарев. Но блестящий и острый интеллект деятеля новых судов может еще ярче засверкать в этом расчленяющем фехтовании мыслью и словом. Некоторые комические строчки в общем рисунке роли никак не изжились. Образ вытравлен от спешной сдержанности жесты и позы. Сцена смерти грубо играет.

ности актера от всякого напряжения и усилия.

Живописный портрет Свидригайлова дает артист Ф. Корчагин. Его страсть к Дунечке Раскольниковой раскрыта бурно и увлекательно. Это одна из сильнейших сцен спектакля. Но актер неизмеримо сложнее его раскрытия и любовной сцены Свидригайлова — преступник и циник, исподтишка и мнущийся — остается нераскрытым. Это не требует, конечно, показа, но следы этого должны ощущаться. Достоевский рисовал разрыват трудя. Замечательные разрыват трудя. Замечательные разрыват трудя.

Второстепенная фигура Разумихина охарактеризована в трактовке артиста А. Федоринова искривленным тоном мелодиста, свежести, юмора. Удачен мечтатель из народа красивый юноша сентимент Миколай (К. Лабунин). Еще не найден острый сатирический рисунок для буржуазного должника Лунина (О. Смирнов). Содержательный притона Луиза Ивановна слишком комедийна. Она должна вызывать не смех, а содрогание.

Образ Натеррины Ивановны Мармеладовой не полнит театру. Одна из самых трагических фигур Достоевского не вышла в спектакле соответственного воплощения. Артистка Е. Кононенко не дает облика погубившей от злой чехотки, развращенной нищеты, близкой к сумасшествию женщины. Исполнительница забыла, что ее героиня остается пробита всего два дня. На известном рисунке Вильгельма мачехи Соня избривается исхожденной Петербургу. С костюмом и здесь неблагополучно. Соня появляется в большом платье с открытыми плечами, в каком выходила на астраду, а не на палех.

В Дуне Раскольниковой (артистка Э. Ковалева) есть внутренняя сила и гордость вопреки ступившей шагу.

Сцена смерти грубо играет.

Но след Мармеладова неправилан. По Достоевскому он не в своем костюме, а в болтающемся фраке с нужным печем, выходящим ему за пределы висюльки. Это важный бытовой штрих в характеристике «бывшего человека».

Остро и живо воссоздал фигуру Порфирия Петровича артист В. П. Дикарев. Но блестящий и острый интеллект деятеля новых судов может еще ярче засверкать в этом расчленяющем фехтовании мыслью и словом. Некоторые комические строчки в общем рисунке роли никак не изжились. Образ вытравлен от спешной сдержанности жесты и позы. Сцена смерти грубо играет.

Великий мастер романа словен в кризисные моменты к тыщине, а предельной простоте интонации и жестов, к глубоким паузам. Раскроем книгу. Тогда Порфирий Петрович объявляет Раскольникову, что считает его убийцей, он это делает почти шепотом. Тот вскакивает, но сейчас же садится, «не говоря ни слова». После этого спокойного заявления следователь обвиняемый отвечает ему теми же шепотом, а затем испуганно маленькими шепотом: «Что же я убий». «Идет, вот вы-с. Родион Романович, вы-с и немому больше-с, строго и убежденно пропеллет Порфирий. Они оба замолчали, и молчание длилось даже до странности долго, минут с десять».

Так у Достоевского. Вся эта повторная беседа страшна в романе не «страш и бурей», а «вечным тихим ветром». На сцене же слышится полный гололом, громко, даже с акцентными интонациями. Это подлинный исторический портрет. Перед нами настоящий обломок лицемерного царствования, очерченный размахистом и выразительно.

Так у Достоевского. Вся эта повторная беседа страшна в романе не «страш и бурей», а «вечным тихим ветром». На сцене же слышится полный гололом, громко, даже с акцентными интонациями. Это подлинный исторический портрет. Перед нами настоящий обломок лицемерного царствования, очерченный размахистом и выразительно.

Так у Достоевского. Вся эта повторная беседа страшна в романе не «страш и бурей», а «вечным тихим ветром». На сцене же слышится полный гололом, громко, даже с акцентными интонациями. Это подлинный исторический портрет. Перед нами настоящий обломок лицемерного царствования, очерченный размахистом и выразительно.

Итак, социальная трагедия Достоевского на сцене театра имени Ермоловой еще ждет окончательной редакции. Театр в студии исканий. Но он уже дал запоминающиеся сцены и будущей картине к вступил уверенность, что покажет свой специфический вариант в полном художественном соответствии с воплощаемой всемирно знаменитой книгой.

Леонид Гроссман,
доктор филологических наук.
НА СНИМКАХ: Раскольников — артист В. Якут, Порфирий Петрович — артист В. ДИКАРЕВ, Фота А. ГЛАДИШЧИНА.
Редактор А. А. ФОМИЧЕВ.
ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА 3 стр.
24 ЯНВАРЯ 1957 ГОДА